DOI 10.22394/1818-4049-2017-80-3-145-149

УДК 343.281

И. В. Кернаджук

А. О. Швейгер

**К некоторым вопросам отграничения
дезорганизации деятельности учреждений,
обеспечивающих изоляцию от общества,
от смежных составов преступлений**

В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с отграничением дезорганизации деятельности исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, от дисциплинарных нарушений порядка отбывания наказания. Подвергаются разбору проблемы, связанные с отграничением дезорганизации деятельности исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, от смежных составов преступлений, таких как: угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или предварительного расследования; причинение вреда здоровью различной степени тяжести; угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью; применение насилия в отношении представителя власти. Сложности применения закона обусловлены тем, что в содеянном могут содержаться признаки нескольких норм, так как составы преступлений, посягающих на установленный порядок исполнения наказания, могут, с одной стороны, на 100% совпадать по каким либо признакам, а с другой – различаться. В некоторых деяниях содержатся признаки преступлений, указанных полностью в нескольких нормах, или в полном объеме ни одна из норм его не охватывает. Исследуются вопросы, связанные с совокупностью преступлений. Анализируются квалифицирующие признаки данного состава преступления.

Ключевые слова: *стадии квалификации, конкуренция норм, дезорганизация деятельности исправительных учреждений, осужденные, насилие, конкуренция норм, объект преступления, субъект преступления, совокупность преступлений.*

Учеными-процессуалистами всегда отмечались сложности в расследовании преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, в особенности связанных с действиями, дезорганизующими деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Данные трудности связаны с такими обстоятельствами, как: ограниченность в пространстве исправительного учреждения, специфичность микросреды, противодействие осужденных при расследовании этих деяний. Исследуемые правовые нормы вступают во взаи-

модействие с другими статьями, поэтому для правильного их применения необходимо не только уяснить содержание первых, но и установить их соотношение, место в системе механизма уголовно-правового регулирования.

Встречающиеся при применении уголовно-правовых норм ошибки, как правило, связаны с неверным выбором конкретной статьи, в которой содержится полное описание совершенного деяния. Нельзя не отметить важность такой стадии квалификации преступления, как «установление и исследование

Кернаджук Игорь Васильевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточный юридический институт МВД России (г. Хабаровск). Email: ugpravodvui@mail.ru

Швейгер Александр Олегович – канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточный юридический институт МВД России (г. Хабаровск). Email: dvui@mail.redcom.ru

фактических обстоятельств дела». Именно она обеспечивает правильность дальнейших этапов применения правовой нормы [5, с. 46]. Исследование отказных материалов показало, что вследствие неверного установления признаков совершенного деяния в 27% случаев правонарушение признавалось не преступлением, а злостным нарушением порядка отбывания лишения свободы, и, соответственно, виновное в его совершении лицо оставалось вне сферы уголовно-правового реагирования.

Анализ специальной литературы и следственно-судебной практики позволяет выделить круг проблем, возникающих при квалификации исследуемых преступлений, которые с методологической позиции образуют два самостоятельных блока. Первый блок – это проблемы разграничения преступлений и нарушений порядка отбывания наказания как первоначальный этап, определяющий степень опасности совершенного деяния, второй – проблемы соотношения составов преступлений как заключительный этап, определяющий конкретную меру общественной опасности определенного деяния. Здесь сложности применения закона обусловлены тем, что в содеянном могут содержаться признаки нескольких норм, так как составы преступлений, посягающих на установленный порядок исполнения наказания, могут, с одной стороны, совпадать по каким-либо признакам, а с другой – различаться [3, с. 62–67].

Еще один нюанс заключается в том, что применяемое насилие содержит признаки преступлений, указанных полностью в нескольких нормах, или в полном объеме ни одна из норм его не охватывает.

Нарушение порядка отбывания наказания именуется дисциплинарным проступком в связи с тем, что указанному виду правонарушений свойственна самостоятельная юридическая природа, так как субъект, его совершающий, имеет особое правовое положение, выводящее его из-под юрисдикции всех иных органов власти. Ее заменяют полномочия администрации исправительного учреждения. Факт подчиненности осужденных к лишению свободы администрации исправительного учреждения является определяющим признаком дис-

циплинарной ответственности. Кроме этого, ученые отмечают специфичность деликтов и мер взыскания за их совершение, на основании чего не признают указанный вид правонарушений административным, но данная точка зрения разделяется не всеми авторами.

Дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, имеет схожие черты с квалификацией преступлений по ч. 2 ст. 296 УК РФ, отличающиеся непосредственным объектом и субъективным составом охраняемых общественных отношений, в который сотрудник исправительного учреждения не входит. Так, в интересующем нас аспекте в ст. 296 УК РФ подлежит охране деятельность по осуществлению предварительного расследования. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом (далее – УПК) РФ сотрудники уголовно-исправительной системы могут осуществлять предварительное расследование в форме дознания. Из этого можно сделать вывод, что если насилие, совершенное лишенным свободы в отношении сотрудника исправительного учреждения, связано с его законной деятельностью, с производством предварительного расследования, а не по поводу исполнения наказания, то деяние следует квалифицировать по ст. 296 УК РФ.

Для правильной квалификации применяемого насилия в отношении субъектов уголовно-исполнительной деятельности принципиальное значение имеет вопрос о преодолении сложностей в рамках конкуренции уголовно-правовых норм. В отличие от смежных, соотношение конкурирующих норм выглядит несколько сложнее и заключается в том, что одна из них содержит признак, отсутствующий в другой, но в этой другой нет признаков, которых не было бы в первой [2, с. 9]. Если дополнить вторую норму недостающим признаком, то конкурирующие нормы приобретают вид смежных. Важно при этом подчеркнуть, что применению при конкуренции подлежит специальная норма (ч. 3 ст. 17 УК РФ) при условии обнаружения всех ее признаков в содеянном. Особый способ регулирования ответственности, устанавливаемый специальной нормой, определяет ее приоритет перед общей, поэтому на применение

специальной нормы не влияет строгость или мягкость ее санкции по отношению к санкции общей [6, с. 24–25].

Исходя из анализа действующего законодательства, следует признать, что состав насилия в отношении сотрудника уголовно-исполнительной системы является специальным по отношению к составам преступлений, предусматривающих ответственность за посягательство на личность. Ст. 321 УК РФ является специальной по отношению к ст. 318 УК РФ. Сотрудник мест лишения свободы является представителем власти. Так как ни субъект преступления, ни содержание деятельности сотрудника исправительного учреждения не конкретизированы в ст. 321 УК РФ, при отсутствии любого признака, по которому проводится соотношение в рамках конкуренции, требуется квалификация за посягательство на личность.

Конкретизируя круг норм, с которыми конкурирует ст. 321 УК РФ, необходимо отметить, что таковыми выступают: п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112, ст. ст. 115, 116, п. «б» ч. 2 ст. 117, ст. 119, ч. 1 ст. 127 УК РФ. Основным признаком, позволяющим законодателю выделить специальные нормы, выступает потерпевший, посягательство на которого меняет объект преступления, обусловленный характером его деятельности. Важным признаком при соотношении конкурирующих норм выступает уголовно-исполнительная деятельность потерпевшего (сотрудника). Из этого следует, что если уголовно-исполнительная деятельность не явилась причиной насилия, или она не носила противоправный характер, то квалификация по квалифицирующему признаку, регламентирующему ответственность за посягательство на потерпевшего в связи с законной его деятельностью, исключается, и ответственность наступает по общей норме по отношению к квалифицирующему составу этих преступлений. Но там, где нет конкуренции нескольких специальных норм, квалификация остается неизменной.

Определенное значение при конкуренции норм, с дезорганизацией деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы с составами других преступле-

ний, имеют возрастные признаки субъекта. Если это лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста, не способно осознавать характер причиняемого им вреда общественным отношениям, охраняемым ст. 321 УК РФ, то данное преступление следует квалифицировать по общей норме, а именно по п. «а» ч. 2 ст. 111 или по п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ.

Некоторые сложности квалификации применяемого насилия в отношении субъекта уголовно-исполнительной деятельности возникают в тех случаях, когда причиненный личности вред не охватывается в полном объеме ст. 321 УК РФ, тогда речь идет о применении правил квалификации по совокупности преступлений.

Диспозиция ст. 321 УК РФ охватывает любой вред здоровью, в том числе и тяжкий. Исключением здесь является причинение тяжкого вреда здоровью, сопряженное с квалифицирующимиотягчающими обстоятельствами, регламентированными ч. 2 ст. 111 УК РФ, которое требуется отражать по совокупности со ст. 321 УК РФ. В уголовно-правовой литературе отмечается, что при определении того, перерастает ли причиненное насилие в самостоятельный состав преступления или охватывается составным преступлением, необходимо исходить из законодательной оценки степени тяжести деяния, выраженной в санкциях соответствующих статей. При этом совокупность преступлений не должна ограничиваться тем, что санкция уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за совершение одного из этих деяний, образующих составное преступление, превышает санкцию, установленную законодателем за совершение составного преступления. Она применяется и тогда, когда имеется совпадение пределов санкций этих преступлений, поскольку дезорганизация работы исправительного учреждения направлена на причинение вреда двум объектам уголовно-правовой охраны, имеющим равную правовую защиту. Законодатель, конструируя составное преступление, учитывает составную опасность входящих в него преступлений в единстве, поэтому степень общественной опасности составного преступления всегда выше

выделенного из него «дополнительного» деяния [4, с. 63–64].

Особого внимания в связи с этим заслуживает вопрос о совершении дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, организованной группой. В уголовном праве была высказана мысль, что этот признак необходимо распространять на применение любого по тяжести насилия [7, с. 554]. Отсюда можно сделать вывод, что законодатель ставит в один ряд по степени общественной опасности угрозу применения неопасного и опасного насилия в отношении субъектов пенитенциарной деятельности организованной группой.

Если при применении насилия наступила смерть потерпевшего, деяние надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных в зависимости от формы вины к наступившей смерти, ст. 105, либо ч. 4 ст. 111 и ч. 3 ст. 321 УК РФ. Нельзя не отметить, что на эту проблему существует и другой взгляд. Так, по мнению некоторых ученых, умышленное причинение смерти сотруднику исправительного учреждения не образует совокупности преступлений, а попадает под признаки деяния, регламентированного ст. 317 УК РФ. Однако необходимо учитывать, что уголовно-исполнительная деятельность характеризуется и обеспечением правопорядка в местах лишения свободы, и применением средств исправления.

Применяемое насилие в отношении субъектов уголовно-исполнительной деятельности может содержать в себе не только признаки деяния, предусмотренного ст. 321 УК РФ, но и других, образующих идеальную совокупность преступлений. Примером такого насилия могут являться гомосексуальные связи, в результате которых осужденные выталкиваются из нормальной среды и опускаются на социальное дно. Обладание в тюремной стратификации статусом «обиженного»

делает невозможным осуществление данным лицом должного пенитенциарного поведения, отмечаются сложности применения к ним исправительного воздействия. Гомосексуальное насилие из мести за оказанное содействие администрации мест лишения свободы, а так же с целью воспрепятствовать его исправлению составляют идеальную совокупность преступлений. Основанием для подобного вывода является то, что насилие и сексуальные действия были обусловлены осуществлением уголовно-исполнительной деятельности потерпевшим.

Из всего вышесказанного мы можем сделать вывод, что применение насилия, обусловленного должным поведением потерпевшего, в результате которого также выполняется сторона другого преступления, необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, регламентированных ст. 321 УК РФ и другими соответствующими статьями. Основным аргументом является то, что преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ, сконструировано по правилам формального состава.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2017.
2. Горелик А. С. Конкуренция уголовно-правовых норм. Красноярск, 1998. С. 9.
3. Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении. С. 62–67.
4. Насильственная преступность / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 1997. С. 63–64.
5. Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. С. 46.
6. Свидлов Н. М. Специальные нормы и квалификация преступлений следователем. Волгоград, 1981. С. 24–25.
7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. А. И. Рарога. М., 2001. С. 554

Библиографическое описание статьи

Кернаджук И. В., Швейгер А. О. К некоторым вопросам отграничения дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, от смежных составов преступлений // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 3 (80). С. 155–159. DOI 10.22394/1818-4049-2017-80-3-145-149

I. V. Kernadzhuk
A. O. Schweiger

**To some issues of delimiting disorganization
of the activities of institutions that provide isolation
from the society, from related crimes**

In this article, the issues related to the delineation of disorganization of the activities of correctional institutions providing isolation from the society from disciplinary violations of the order of serving punishment are considered. The problems connected with the delimitation of disorganization of the activities of correctional institutions securing isolation from the community from related crimes, such as the threats or violent actions in connection with the implementation of justice or preliminary investigation, causing harm to the health of different severity, the threat of murder or causing serious harm to the health, are being analyzed. Violence against representative of the authority is given. Difficulties in the application of the law are due to the fact that in the offense there may be signs of several norms, since the compositions of crimes that impose on the established procedure for the execution of punishment may, on the one hand, fall on some grounds, and on the other, differ. In some, the act contains the signs of crimes specified entirely in several norms, or in full, none of the norms cover it. The questions connected with a set of crimes are investigated, analyzing the qualifying signs of this crime.

Keywords: qualification stage, competition rules, disorganization of correctional institutions, convicts, violence, competition rules, object of crime, subject of the crime, set of crimes, employee of the penitentiary system.

References:

1. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii. M., 2017.	Kudryavceva, A. V. Naumova. M., 1997. S. 63–64.
2. Gorelik A. S. Konkurenciya ugolovno-pravovyh norm. Krasnoyarsk, 1998. S. 9.	5. Naumov A. V. Primenenie ugolovno-pravovyh norm. Volgograd, 1973. S. 46.
3. Marcev A. I. Obshchie voprosy ucheniya o prestuplenii. S. 62–67.	6. Svidlov N. M. Special'nye normy i kvalifikaciya prestuplenij sledovatelem. Volgograd, 1981. S. 24–25.
4. Nasil'stvennaya prestupnost' / pod red. V. N.	7. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Osobennaya chast' : uchebnik / pod red. A. I. Raroga. M., 2001. S. 554

Reference to the article

Kernadzhuk I. V., Schweiger A. O. To some issues of delimiting disorganization of the activities of institutions that provide isolation from the society, from related crimes // Power and Administration in the East of Russia. 2017. No. 3 (80). PP. 155–159. DOI: 10.22394/1818-4049-2017-80-3-145-149

Kernadzhuk Igor Vasilyevich – Candidate of Jurisprudence, associate professor of the criminal law and criminology chair, the Far-Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Khabarovsk) Email: ugpravodvui@mail.ru

Schweiger Aleksander Olegovich – Candidate of Jurisprudence, senior lecturer of the criminal law and criminology chair, the Far-Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Khabarovsk) Email: dvui@mail.redcom.ru